

Артур Лейвин

Густые травинки темно-зеленой травы прогибались под моими шагами, когда я шел под деревьями за пределами Очага. Мои мысли были тяжелыми и приземленными, не давая мне оторваться от земли. Мысленная пелена отделяла меня от Реджиса и Сильви; я еще не был готов к тому, что в моей голове появятся чужие мысли, мне нужно было время, чтобы переварить все случившееся.

Все, что я узнал от Кезесса и Мордейна, снова и снова прокручивалось у меня в голове. Слишком много разрозненных тропинок, чтобы ухватиться за них одновременно, и слишком много информации мне не хватало.

На низкой ветке зашуршали листья, и по ее нижней стороне, цепляясь острыми когтями за кору, прошелестело пушистое существо, которое могло бы уместиться на моей ладони. Его лунно-серебристые глаза смотрели на меня без страха. Несмотря на милую внешность - нечто среднее между белкой-летягой, лемуром и летучей мышью, - я чувствовал в его теле скопление маны, достаточное, чтобы отнести его к мана-зверям класса А.

Понюхав немного, мана-зверь скрылся обратно на дереве, увлекая меня за собой по широкому стволу возвышающегося чардрева.

"Если бы только наши обязанности были пропорциональны нашим размерам, то я мог бы оставить все это на тебя, не так ли?" Я сказал это вслух, но мой перегруженный мозг выплюнул в основном какую-то чушь.

Я безучастно наблюдал за тем, как это суеливое существо пробирается по дереву, срывая лист в нескольких футах надо мной.

Когда яркий лист полетел вниз, словно пепел из костра, я влил эфир в свою новую божественную руну. От моего позвоночника исходило мягкое тепло, поддерживая меня в тонусе, и я почувствовал, как мои познавательные способности ускорились в несколько раз. Полученная информация и проблемы, которые мне предстояло решить, выкладывались, как колода карт, четко прорисовываясь в сознании, даже когда мой разум разделился сразу на несколько потоков мыслей.

Чул столкнулся с Сесилией и едва не поплатился за эту встречу жизнью, но мне удалось его исцелить. Мало того, с помощью траурной жемчужины он не просто выздоровеет, но и, скорее всего, станет сильнее, чем раньше.

У меня оставалось две траурные жемчужины. Я не знал, почему лорд Экклея отдал их мне, но по мере того как все события и разговоры церемонии возвращения Авхилаши связывались друг с другом, я все больше убеждался, что он предвидел события самой церемонии, проявляя интерес и изображая из себя "невинного старого дядюшку". Он знал больше, чем говорил, - возможно, в нем даже был какой-то намек на предвидение будущего. В конце концов, Кезесс говорил, что драконы редко испытывают такие видения, как сейчас, у Сильви.

А это означало, что три траурные жемчужины были даны мне по вполне определенной причине, и мне предстояло решить, когда и зачем их использовать, зная, что, спасая одну жизнь, я потенциально обрекаю на гибель другую в будущем.

Когда на моей голове горел венец фиолетового света, скрытый от глаз, но все еще очень хорошо различимый в моем сознании, я понял, почему эта вещь была столь ценной и редко использовалась в асурской культуре.

Параллельно с этими мыслями я проводил еще одну линию для Сесилии.

Ее присутствие в Дикатене было более серьезной проблемой, чем мне показалось на первый взгляд. Возможно, после того как убийство Чарона провалилось, ее отправили завершить дело, но если это так, то я не понимал, зачем ей задерживаться в Звериных полях. Вполне вероятно, что Агрона решила нацелиться на Мордейна, так что Сесилия могла активно искать любые признаки фениксов, когда Чул наткнулся на нее.

Несмотря на пацифизм Мордейна, присутствие фениксов было одновременно и дикой картой, и потенциальной угрозой для планов Агроны. Некоторое время это работало в пользу Агроны, так как Кезесс указывал, что количество или сила асуры в этом мире - по непонятной мне причине - была препятствием для его нападения на Агрону. Однако теперь Агрона, возможно, решил, что риск больше не стоит выгоды.

Но наиболее вероятным вариантом было то, что Сесилия искала путь в Эфеот по поручению Агроны. Мне не хватало информации, чтобы создать надежную теорию о том, почему именно, хотя под воздействием "Королевского гамбита" мой разум сразу же предположил несколько различных возможных причин, каждая из которых была одинаково вероятной. И все же я не мог быть уверен ни в чем, кроме того, что Сесилия была самой опасной фигурой на доске, и ее присутствие нарушало порядок и представляло опасность для всех на континенте, даже для драконов.

Но Сесилия пыталась замести следы, даже не участвовала в борьбе с Чулом, а значит, они не хотели, чтобы мы знали о ее присутствии. Либо они боялись ставить ее на передовую - потому что она станет мишенью, а может, Агрона не до конца доверяла ей, - либо существовал шанс, что ее действия могут прервать. Если Мордейн поймал ее, то вполне вероятно, что она уже отступила из Звериных полей или вообще из Дикатены. Даже если она все еще находилась в Дикатене, я не мог преследовать ее, не жертвуя днями или даже неделями на охоту за ней через Звериные поляны, и даже тогда существовала значительная вероятность того, что она сможет ускользнуть от меня. У нее было явное преимущество: она знала, что делает, а я - нет.

И все же я не мог позволить ей свободно разгуливать по всему континенту. Нужно будет предупредить Чарона и отправить патруль драконов прочесывать Звериные поляны.

По мере того как появлялись все новые и новые нити, каждая новая мысль вплеталась в гобелен созвучных идей, я почувствовал едва заметный зуд - неприятное ощущение в сердцевине, оставшееся от раны, которую Сесилия нанесла мне моим собственным эфирным мечом. Я сосредоточился на нем, и, подобно насекомым, разбегающимся под светом, зуд, казалось, задрожал по каждой из отдельных нитей моих мыслей.

Я перестал применять "Королевский Гамбит", стряхивая с себя странное ощущение. Лист, за полетом которого следили мои глаза, пролетел мимо моего носа, а затем продолжил свой путь к земле.

В голове все перемешалось и помутилось, мысли расфокусировались. Мне пришлось заставить себя стоять прямо, а пальцы впились в грудь, царапая уже утихший зуд в глубине души.

Прошло некоторое время, прежде чем я смог избавиться от влияния божественной руны и снова сосредоточиться на окружающей обстановке. Существо вернулось, проползло еще дальше по ветвям и жадно смотрело на меня.

Глубоко вздохнув, я позволил своему разуму вернуться в то состояние, в котором находился после пробуждения из камня. Мои ноги оторвались от земли, и я слегка покачнулся.

Инстинктивно я потянулся за обретенным пониманием и пролетел несколько футов вверх, постепенно привыкая к этому ощущению. Затем, резко ускорившись, я пронесся мимо маленького мана-зверя, пролетел сквозь распростертые ветви и огненно-оранжевые листья чардрева и поднялся в воздух над пологом, позволяя ветру развеять последние частички божественной руны в моем сознании.

В отличие от полета с помощью маны, который был просто вопросом сырой силы и контроля, полученного при переходе в белое ядро, способность летать с помощью эфира была вызвана моим пониманием Королевского гамбита - или, скорее, какая-то часть моего пути к обретению понимания продвинула мое врожденное понимание взаимодействия между физикой этого мира и атмосферным эфиром, чтобы бессознательно бросить вызов гравитации.

Эффект был тот же: проецируя себя через атмосферный эфир, я мог использовать его, чтобы подниматься в воздух и летать. Но атмосферного эфира было гораздо меньше, чем маны, и это было неестественно как по ощущениям, так и по визуализации, словно я обнаружил мышцу, казалось у меня всегда была, но которой я никогда не пользовался. Когда я оттолкнулся, то полетел - эфир подталкивал меня даже тогда, когда отползал в сторону, чтобы пропустить меня.

Я оглянулся на деревья. Снизу они были похожи на башни, но с такой высоты они уменьшались. Наблюдая за тем, как ветер шевелит лесной полог, я отметил, что меня начинает тянуть вниз: какой-то едва уловимый эффект от "Королевского гамбита" покинул мой организм. Мне нужно быть осторожнее, когда я использую эту новую силу, подумал я, отмечая, как я себя чувствую после нее.

Несмотря на тяжесть всего, что лежало на моих плечах, это заставило меня улыбнуться, когда, вылетев над деревьями и взяв курс на юг, определил направление к цели, а затем наклонился вперед и полетел прочь над верхушками деревьев, обдавая меня тяжелым и влажным ветром.

И вот, подталкивая себя к полету все быстрее и быстрее, проецируя сильную эфирную ауру, чтобы отпугнуть любого из более могущественных мана-зверей, которые могли решиться выстрелить в меня, я отпустил завесу над своим разумом и потянулся к Реджису и Сильви.

Он возвращается, - почти сразу же раздался в моей голове голос Реджиса.

'Твои мысли мутны, Артур', - ответила Сильви. 'Что случилось?'

Я быстро объяснил все, что произошло с момента исцеления Чула.

"Для человека, который, похоже, только что выиграл в лотерею "сделай все", я не чувствую здесь особого позитива", - сказал Реджис со свойственным ему обаянием.

Возможно, я открыл в себе силу, которая позволит мне думать о нескольких вещах одновременно, но на самом деле мне нужна способность находиться в нескольких местах одновременно, подумал я. А если нет, то мне нужны ответы.

Реджис, который остался с Олудари и сейчас находился в летающем замке, охраняя камеру Вритры, просиял. 'Это значит, что ты направляешься сюда? Я готов променять всех грудастых демонов в Алакрии, лишь бы выбраться отсюда. Думаю, мне будет до смерти скучно'.

'Всех?' Сильви вклинилась в разговор, и мысленная проекция ее голоса зазвенела, как серебряный колокольчик.

'Ну, не считая леди Каэру', - защищаясь, ответил он.

Я покачал головой. Я бы сказал, что ты лучше всех ладишь с эфирной сороконожкой, не так ли? А теперь, сменим тему...

Сам процесс полета был захватывающим, а Реджис и Сильви помогли облегчить груз моих многочисленных забот, благодаря чему полет прошел еще быстрее. И все же, когда столько мыслей занимало мой череп, а я был способен обрабатывать только одну вещь за раз без активного Королевского Гамбита, я почувствовал облегчение, когда в поле зрения появились высокие стены и пикообразные крыши летающего замка, вырисовывающиеся из тумана, словно гигантская хищная птица.

Искажающее поле, скрывавшее замок, было давно отключено, и два больших дракона - один сверкал, как сапфир, другой был тускло-зеленым, как поросший мхом камень, - кружили вокруг внешнего вида. Им потребовалось мгновение, чтобы заметить меня, поскольку у меня не было маны, которую они могли бы почувствовать, когда я приближался, но когда зеленый дракон увидел меня, оба резко накренились и стремительно полетели в мою сторону.

"Стоять, кто...ах, низший с золотыми глазами", - сказал сапфировый дракон, взбивая крылья, чтобы удержаться на месте. "Нам сказали ждать тебя. Следуй за мной".

Развернувшись, она полетела к открытой двери отсека - той самой, которой мы с Сильви так часто пользовались, чтобы войти и выйти из замка во время войны. Когда я приземлился позади нее, она трансформировалась, ее тело уменьшилось, и перед нами предстала статная женщина с перламутровыми волосами и доспехами того же цвета, что и ее чешуя в драконьей форме.

"Пойдем, я отведу тебя к Хранителю Чарону и пленнику", - жестко сказала она, ее темно-синие глаза, усеянные сверкающими белыми пятнами, настороженно изучали меня.

"Я знаю дорогу". Я прошел мимо нее и направился в соседний зал. "Были ли какие-нибудь происшествия?"

Она поспешила, чтобы идти чуть позади меня. "Некоторые разведчики наткнулись на лесной пожар, вероятно, следствие напряженной магической битвы. Но мы не нашли источника".

Поблагодарив ее кивком, я машинально осмотрел замок, ощущая мощные сигнатуры маны, излучающие силу. Чарон и Виндсом были глубоко в недрах, где, как я знал, находилась тюрьма: та самая, в которой когда-то содержались Слуга Уто и Рахдеас, гном-предатель, который помог Нико проникнуть в Дикатен под именем Элайджи.

Я не часто вспоминал об Элайдже и не позволял себе делать это сейчас. Слишком странно - слишком больно - было осознавать, что мой самый близкий друг в этом мире никогда не существовал, а был плодом извращенного разума Агроны.

В общей сложности, кроме Чарона и Виндсома, я почувствовал еще пять драконов, а также знакомую сигнатуру асуры из расы титанов. Я не знал, что там делает Врен Кайн - он должен быть в Вилдориале, заканчивать проект, над которым они с Гидеоном работали, - но скоро я это узнаю.

Спустившись в замок, мы с сопровождающим вошли в широкий коридор, который заставил меня замереть. Воспоминания о моем последнем пребывании в замке нахлынули с неожиданной силой, и я вспомнил тела, разбросанные по полу, наполовину застрявшие в

обломках, которые их раздавили.

Раньше мне это не приходило в голову, но с тех пор я впервые вернулся в летающий замок. Со времен Каделла.

"Его отремонтировали", - сказал я вслух, обращаясь к самому себе.

"Да", - жестко ответила моя сопровождающая. "Этот летающий замок был в плохом состоянии, и требовались значительные работы, чтобы сделать его пригодным для драконов клана Индрат".

Я провел рукой по восстановленной стене, и меня охватило негодование при мысли о том, что следы Бухда и всех остальных, кто сражался и погиб здесь, исчезли.

Достигнув уровня тюрьмы, мой сопровождающий дракон пропустил меня в запертое подземелье, но не последовал за мной внутрь. В комнате охраны на другой стороне меня ждали Чарон, Виндсом и Врен Кайн. Реджис, как я понял, находился дальше, присматривая за нашим пленником.

Чарон смотрел на меня с явным интересом. "А. Артур. Виндсом ввел нас в курс дела относительно твоего путешествия в Эфеот".

"Очень жаль молодого дракона", - сказал Врен, в его тоне не было ни капли печали. "Конечно, ее клан получит за ее смерть больше, чем все семьи всех уничтоженных в битве низших, так что, полагаю, это не помешает".

Я проследил за взглядом Врена, ища суть в темных глазах, наполовину скрытых под его жирной, поникшей гривой.

Должно быть, выражение моего лица выдало мои мысли, потому что Врен резко рассмеялся. "Чарон пригласил меня поговорить с василиском".

"Я не знал, что вы двое знакомы", - ответил я, глядя на дракона со шрамом.

"О да, мы с Чароном давно знакомы", - с насмешливой любезностью ответил Врен. "Он неплох... для Индрата".

Виндсом бросил взгляд на Врена, но Чарон лишь усмехнулся.

"В любом случае, я помогал драконам разобраться с Олудари, но с тех пор как ты уехал, он специально начал притворяться тупым". Врен скрестил руки, отчего его сгорбленная поза стала еще более преувеличенной. "Для предполагаемого гения он выглядит просто безумным идиотом".

Я обдумал это. Тот факт, что я ставил слово безумного василиска, у которого были все основания лгать и манипулировать мной, против повелителя всех асур - моего союзника, - не оставлял меня равнодушным. Но я уже знал, что и Кезесс не может принимать все сказанное за чистую монету. Каждый разговор с ним был похож на игру "Ссора Суверенов", только я не всегда знал, какова цель игры. С Олудари все было гораздо понятнее.

"Это печально, но, тем не менее, я пришел поговорить с Олудари". Я встретился взглядом с удивительными глазами Виндсома. "Тогда, согласно моему соглашению с Кезессом, ты волен доставить его обратно на Эфеот".

Виндсом ответил: "А я-то боялся, что ты будешь неделями, а то и месяцами ходить вокруг да около, как вы, низшие, любите делать. Я рад, что хоть раз ты поступил разумно, Артур".

Когда я не ответил ничего, кроме холодного взгляда, Чарон прочистил горло и жестом велел мне следовать за собой. Он провел нашу группу в самую тюрьму, которая была пуста, за исключением специальной камеры, переделанной специально для василиска. Олудари был прикован к стене с вытянутыми в стороны руками, а на запястьях и лодыжках, а также на горле его сковывали наручники из тусклого металла, покрытые рунами. Когда он двигался, его штопорообразные рога ударялись о камень за его спиной.

Увидев меня через маленькое зарешеченное окошко своей камеры, он широко ухмыльнулся, его губы зашевелились, но я не расслышал слов, пока Чарон не послал импульс маны в дверь и не открыл ее.

"...чтобы спасти от скуки, окружившей меня с этими драконами", - говорил он, и первая часть его фразы была неслышна в запертой камере. Улыбка сползла с лица, когда его яркие глаза впились в мои.

"Ну что, человек? Пришел ли ты в себя? Меня вернут на родину и предложат защиту повелителя драконов?"

Заметив, что он ненавязчиво добавил защиту к своим требованиям, я шагнул в камеру и огляделся.

Реджис свернулся в клубок на твердом камне пола. Его глаза лениво приоткрылись, когда я посмотрел на него, и он подмигнул. "В этом я согласен с василиском. Пожалуйста, избавь нас от скуки в обществе друг друга".

Олудари щелкнул языком. "А я-то думал, что ты интереснее всех этих самовлюбленных асур. Жаль, что ты не разделяешь этого чувства".

Они позволили тебе остаться с ним в камере? Спросил я Реджиса, пытаюсь вспомнить, что он пережил за последние пару дней.

'Они не "разрешили" мне присутствовать на допросах', - ответил Реджис, старательно стараясь не смотреть на Виндсома и Чарона позади меня. Но они часто и громко жаловались на то, как неразумен и "безумен" Олудари.

Ты не считаешь его безумным?

"Что-то вроде "лиса и курятник", - беззаботно подумал Реджис.

Подойдя к прикованному Вритре, я окинул его взглядом, задержавшись на кандалах. "Я говорил с лордом Индратом, и он согласился разрешить тебе вернуться в Эфеот в качестве пленника. Но особенности этого возвращения - как долго ты пробудешь в нашем мире, став мишенью для своего Верховного Суверена", - я оставляю на свое усмотрение. Твое будущее зависит от того, насколько полно ты ответишь на мои вопросы, без всяких игр". Я сделал паузу, давая ему возможность осмыслить мои слова. "Я не забыл свою предыдущую угрозу: не допустить, чтобы ты попал в руки Агроны, по-прежнему является моим приоритетом, и если будет разумнее убить тебя, чем отправить на Эфеот, я без колебаний сделаю это".

Виндсом сместился за мою спину, но Олудари был бесстрастен и ответил лишь понимающим кивком.

Я бы предпочел расспрашивать его дальше без присутствия Виндсома и Чарона, но я не дал им права отказать, так как уже знал их ответ.

Скрестив руки, я сделал вид, что обдумываю свои слова. Я знал, что хочу узнать, но выудить информацию из Олудари, не вызвав подозрений ни у него, ни у драконов, было делом тонким.

"Почему Агрона хочет захватить Эфеот?" спросил я, когда прошло несколько долгих секунд. "Какова его цель во всем этом? Простая месть Кезессу и другим великим кланам?"

Олудари слегка нахмурился, его глаза быстро пробежались по моему лицу. Казалось, он что-то обдумывает в своей голове. Наконец он сказал: - Хороший вопрос, зачем Верховному Суверену понадобился контроль над Эфеотом? Чтобы быть окруженным асурами других рас, многие из которых старше и магически сильнее его? Возвращение на родину, я полагаю, было бы худшим кошмаром Агроны. Он не зря провел последние столетия, окружая себя низшими".

Он сделал паузу, его взгляд переместился на двух драконов позади меня. "Тот, кто сказал вам это, возможно, пытается исказить ваше представление об общей картине этого конфликта. Большого конфликта между Агроной и Индратом, то есть".

"Глупости", - насмехается Виндсом. "Конечно, Агрона пытается вернуться на нашу родину. Нет никакой другой причины вести войну против Эфеота так, как он это сделал. Все его усилия по насильственному захвату Дикатена были направлены лишь на то, чтобы подготовить почву для более масштабного конфликта, как мы хорошо знаем". Его тон был жестким, почти принужденным.

Подняв руку в знак молчания, я оглянулся через плечо. "Я бы хотел воздержаться от лишних комментариев. Мне нужно сосредоточиться".

Приготовившись к потоку раздражителей, я активировал Королевский Гамбит.

В глазах Олудари я увидел, как вокруг меня разрастается свет, собираясь и сливаясь, пока многоконечная корона чистого сияния не зависла прямо над моими волосами, превратив бледный блонд в яркий, сияющий белый цвет.

Складки его ноздрей побелели, а зрачки, полностью сосредоточенные на сияющей короне, расширились на долю дюйма. Кожа вокруг глаз слегка сморщилась, когда он прищурился от света.

Воздух зашевелился, нагнетаясь через щель в камне, и несколько прядей неухоженных волос Олудари взметнулись. "Где-то в каменной кладке есть щель". Мой голос показался мне пустоватым, поскольку он был отфильтрован через усиливающие сознание аспекты Королевского Гамбита, и когда я произносил слова, и когда слушал, как они вибрируют в воздухе.

Под запахами пыли и камня, а также далекой флоры Звериных Полян, Олудари ощущал металлический, озоновый запах и слабый след нервного пота. От Чарона пахло старой кожей, маслом для клинков и кровью свежеебитого, а белый Виндсом благоухал какими-то цветочными духами, которые не могли скрыть далекого, землистого аромата горы Геолус.

'Уф, почему я вдруг стал пахнуть собой? И почему от меня пахнет серой и булочками с корицей?' подумал Реджис, слегка покачивая головой, когда мои мысли, усиленные божественной руной, свободно пронесли между нами.

Позади себя я почувствовал, как Чарон повернулся и посмотрел на Виндсома, чьи брови нахмурились, а челюсть напряглась, когда он уставился мне в спину.

"Ты уже говорил, что Агрона пытается сконцентрировать силу. Что он что-то знает. Что это знание связано с многослойными измерениями, составляющими эту реальность. Ты сказал, что расскажешь мне все, что знаешь". Мои слова вонзились в него, как острие копья. "Если мое нынешнее понимание ошибочно, то исправь его".

Глаза Олудари, казалось, подрагивали, как будто он заставлял их встать на место, не давая им переместиться за мое правое плечо к Чарону. "Конечно, ваше величество", - сказал он, пытаясь придать своему голосу густую забавность, чтобы скрыть напряжение, сжимающее его горло и заставляющее его слова выходить с трудом. "Да, как я уже сказал, он стремится к власти. Не для того, чтобы стать военачальником и править Эфеотом, а чтобы поглотить все. Как мировой лев, он готов съесть даже свое потомство - жителей Алакрии - ради господства. Но только после того, как он очистит Дикатен и Эфеот".

Я сравнивал его слова и тон с тем, что и как он говорил раньше, вникая в смысл и тембр, чтобы установить истину в сравнении с ложью.

Реджис сел, и его глаза зашатались, перейдя на крест. 'Неа, не могу... О, это ужасно. Кажется, я сейчас лопну...' Его разум отделился от моего, и между нами возник барьер. Я чувствовал края стены, трещины в ней и знал, что при необходимости смогу пробить ее, но не было никакой необходимости заставлять Реджиса участвовать в разговоре, даже если его точка зрения могла бы помочь расширить мою собственную.

Где-то вдалеке я почувствовал, что разум Сильви тоже защищается. Эффект руны не распространяется на моих спутников, - заметил я.

"Как бы я ни хотел не быть жертвой подобного планетарного каннибализма, - продолжал Олудари, - мне кажется крайне забавным, что ты с такой радостью держишь дракона за хвост, позволяя лорду Индрату тащить тебя, куда ему вздумается, учитывая, что его собственные преступления не менее велики, не так ли?"

"Следи за своим языком, Вритра", - огрызнулся Виндсом, угрожающе шагнув вперед, когда Олудари плохо отозвался о Кезессе.

Я почувствовал желание нахмуриться, но пресек его прежде, чем оно успело проявиться. В голосе Виндсома чувствовалось что-то повышенное, что наводило на мысль о... заранее продуманном ответе?

"Расскажи мне побольше об этих слоях", - сказал я Олудари, не сводя с Виндсома быстрого взгляда через плечо.

Олудари провел языком по зубам, его пальцы напряглись, но он удержал их от подергивания. Физически он обладал высоким уровнем самоконтроля - способность, которая ранее не проявлялась, когда он находился в плену у Призраков. Это свидетельствовало о глубоко укоренившемся страхе перед физической расправой или даже смертью. И хотя он был напряжен, в данный момент он не боялся за свою жизнь. "Вы сами пришли из другого мира, верно?" - сказал он. "У вас там другой вид магии - ки, как мне сказали. Но ни один из других реинкарнатом не смог использовать ки, когда попал в этот мир, потому что это другой тип магии, чем мана, требующий другой атмосферы и биологии".

Врен поправил позу, отчего изнутри его плаща раздался приглушенный звон, словно два звена

цепи столкнулись друг с другом.

Олудари заговорил быстрее, погружаясь в рассказываемую им историю. "Другой мир. Совершенно иная структура магии. Представьте себе. Жители Алакрии часто ограничиваются одним заклинанием и его вариативными формами, жители вашего континента - одним элементом маны. Мой народ может управлять всеми четырьмя первоэлементами, но только через призму нашего собственного понимания, которое вы называете атрибутом распада. Драконы владеют маной в чистом виде и не спеша осваивают эфирные искусства, в то время как джинны пишат на эфире так, словно открыли родной язык реальности".

Он издал потрясенный вздох, как будто только что сказал что-то важное. Я отметил про себя, что он говорит мне только то, что я уже знал, и тут же снова почувствовал зуд. Он был не в моем ядре, а полз по нити мысли, глубоко в складках моего мозга.

"Это те слои, о которых я говорил: мана, эфир, даже ки. Возможно, существуют и другие виды магии, - тон его голоса слегка изменился, а глаза приобрели прежний напряженно-безразличный изгиб, - но, как бы то ни было, Агрона никогда не был доволен тем, что василискам досталось в жизни. Почему мы должны эффективно использовать только искусства маны распада, когда у нас должно быть все".

Это объяснение не соответствовало его предыдущим высказываниям. Касательное и, возможно, даже правдивое, но все же запутывающее.

"Вы долгое время враждовали с Кезессом. Ты знаешь, что случилось с джиннами. Скажи мне, какова, по-твоему, главная цель Кезесса?"

Виндсом нахмурился. "Артур, это неподходящий вопрос..."

Олудари, фыркнув от удовольствия, прервал Виндсома. "Очевидно, он играет в "Царя горы"".

"Этот василиск пытается сбить тебя с толку и настроить против Лорда Индрата", - поспешно сказал Виндсом. "Я бы рекомендовал вам не вступать с ним в дальнейшие отношения".

На этот раз я был более уверен. Может, его слова и не были написаны по сценарию, но они были заранее продуманы.

Несколько запутанных нитей мыслей обвились друг вокруг друга, и каждая из них усиливала зуд, похожий на жука, который вибрировал в моем сердце и проникал в разум. Зуд отражался от каждой одновременной мысли, сам по себе не более чем легкий раздражитель, но чем дольше я использовал Королевский гамбит и чем больше одновременных нитей мысли активировал, тем интенсивнее становилось ощущение.

Чарон прочистил горло и положил руку мне на плечо. "Артур, возможно, нам стоит сделать перерыв. Ты выглядишь... напряженным".

Должно быть, какой-то признак растущего раздражения просочился в мое выражение лица. Я зажал те части мозга, которые отвечают за целенаправленные и подсознательные движения лица и тела, заставляя пульс замедлиться, выражение лица смягчиться, а каждый вздох - быть спокойным и ровным.

"Виндсом, почему ты подарил Элли медведя-хранителя?" неожиданно спросил я, следуя за новой нитью, пока продолжал удерживать остальных.

Он заколебался, его дыхание изменилось. Я повернул голову на несколько градусов, настраивая ухо так, чтобы лучше слышать микроизменения его дыхания, которые обычно заглушаются всем остальным.

"Я пытался сделать так, чтобы тебе было удобно, чтобы ты оставил свою семью. Но даже тогда я знал, насколько ты защищен. Достаточно, чтобы отказаться от обучения в Эфеоте, если бы ты слишком беспокоился о своей семье".

Честный ответ, как мне показалось, но он должен был сначала решить, насколько правдивым он будет.

"Что Кезесс будет делать с Олудари, когда тот вернется в Эфеот?" быстро продолжил я.

Я услышал его ответ, но не стал задумываться над словами, а прислушался к тону и интонации. Но я сосредоточился не на Виндсоне, а на том, чтобы оценить интенсивность интереса Чарона, когда мы сменили тему.

Я ждал, позволяя тишине затянуться до предела, наблюдая и слушая все, что делали три асуры, и даже каталогизируя микродвижения Реджиса.

Впервые что-то нарушило мою концентрацию, и мысли запутались: теперь зуд был сильнее, словно муравьиный рой грыз меня изнутри.

Но я был уверен: Чарон заключил какую-то сделку с Олудари. Ответы Вритры были специально составлены так, чтобы затушевать некоторые факты. Его вернут на Эфеот и вознаградят так, как я не смогу повторить.

Переключив передачу, чтобы успеть затронуть другую важную тему до того, как я перестану поддерживать божественную руну в активном состоянии, я спросил: "Наследие... раньше вы говорили, что она не оружие, а инструмент. Сесилия - ключ к тому, чтобы Агрона получал ману непосредственно от других Суверенов, но не только это. Он стремится открыть для себя новые силы. Скажи мне, переживет ли она этот процесс?"

На лице Олудари заиграла лукавая улыбка. "Ты спрашиваешь о реинкарнате или о сосуде?"

"Ты был внимателен. Ты считаешь себя умным, а значит, предусмотрел худшее". Я подавил дрожь и с трудом сдержался, чтобы не почесать грудь. "Как бы ты боролся с Наследием, если бы она пришла за тобой?"

Олудари приподнял одну бровь, его рот слегка приоткрылся от удивления. Он задумался на несколько мгновений, но его глаза не отрывались от моих. "Полное владение маной. У нее нет ядра, поэтому все ее тело работает на мане и реагирует на нее. И она невероятно чувствительна к мане - что, как мне кажется, может быть обращено против нее. Она не слишком изобретательна, поэтому не использует свои сильные стороны в полной мере, а также слаба психически. Если кто-то перегрузит ее чувства и поставит ее на ноги, заставив попятиться, она не сможет быстро оправиться".

Пока Олудари говорил, новая нить мыслей оборвалась, оформившись в идею, зарождающуюся и опасную, но неудержимую.

Мне нужно было проникнуть в четвертый камень, чтобы разгадать его и получить аспект Судьбы, но если то, что сказал Мордейн, было правдой, я мог оказаться в ловушке на неизвестное время. Агрона постоянно опережал меня на несколько шагов, и я понятия не

имел, сколько шпионов у него может быть в Дикатене. Я не мог просто уповать на то, что мое отсутствие останется незамеченным, и должен был признать, что использование четвертого ключевого камня - опасный момент для Дикатена. Учитывая, что Сесилия уже находится на наших берегах, преследуя неизвестную цель, было бы верхом глупости не подготовиться.

Но я мог одновременно защититься от вторжения, направленного на меня или Дикатен, пока я был уязвим, и одновременно обеспечить нейтрализацию Сесилии, хотя бы временную.

Я задал еще пару вопросов, стараясь не выдать себя ни Олудари, ни драконам, но быстро выбился из сил, чтобы противостоять зуду, который проявлялся в виде тысяч жучков, ползающих под моей кожей и усиливающихся от каждого слоя моих сплетенных мыслей.

Закончив, я бесшумно повернулся и пронесся мимо драконов и Врена, покинув камеру и пройдя по коридору дальше. Только тогда я отпустил свою власть над Королевским Гамбитом, когда никто не увидел бы, как осунулось мое лицо и как холодный пот выступил на лбу.

Я почувствовал, как разум Реджиса вернулся, неуверенно коснулся моего собственного, а затем снова отпрянул. 'Эй, шеф, с тобой все будет в порядке?'

Все в порядке, - ответил я, преодолевая последствия воздействия божественной руны. Когда я добрался до входа в тюрьму, то, по крайней мере, смог говорить без запинки, остановился и подождал, пока остальные догонят меня.

"Пустая трата времени", - просто сказал Виндсом, когда присоединился ко мне в камере внешней охраны.

"К сожалению, я вынужден согласиться", - добавил Чарон, внешне досадуя. "Я надеялся, что ты сможешь добиться от него большего, когда активировал это... заклинание?" Он сделал паузу, вопросительно глядя на меня.

Я почти честно ответил, слова были на кончике языка, но я их проглотил. Вместо этого я сказал только: "Я удовлетворен. Кезесс ждет его, и я бы хотел, чтобы Вритра убрался из Дикатена как можно скорее - прямо сейчас, на самом деле. Нет причин склонять Агрону к попыткам вернуть его, несмотря на мою прежнюю угрозу".

"Согласен", - сказал Виндсом и посмотрел на Чарона в поисках подтверждения. Дракон со шрамом кивнул в знак согласия.

Врен, который внимательно слушал все мои вопросы, особенно когда разговор перешел на Наследие, встал рядом со мной. "Мне нужно вернуться в Вилдориал. Ты тоже туда направляешься?"

Мне нужно было поговорить с несколькими людьми в столице Дарв, но больше всего я хотел поведать Элли и маму. "Да", - согласился я.

"Мы восстановили некоторые функции этой крепости", - сказал Чарон, стоя у меня за спиной. "В том числе устройства телепортации, которые, к счастью, не были полностью уничтожены во время предыдущих боев. Ваджракор также счел нужным перенести одну из телепортационных рам дальнего действия из западного Дарва в Вильдориал, чтобы мы могли быстрее перемещаться между стратегически важными пунктами".

"Я понимаю, что это удобно, но это большой риск", - заметил я.

"Были приняты все меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность города и его жителей", - заверил меня Чарон.

Я кивнул, признавая, что решение принимали гномы. Я не был их правителем.

Он продолжал рассказывать об изменениях в инфраструктуре крупнейшего из городов Дикатена, пока я вел его по отремонтированным коридорам к камере телепортации. Несмотря на то, что артефакты были деактивированы, когда ими не пользовались, над камерой все еще стоял один дракон-страж, но при нашем приближении он отошел в сторону. Виндсом и Чарон остановились у входа в камеру, когда мы с Вреном вошли в широкие двери

Воспоминания захлестнули мой усталый разум, и неприятное, но безымянное чувство сжало мой живот, словно кулак, и скрутило его. Словно переживая все заново, я видел, как раненые солдаты хромали или их тащили из комнаты, а я искал лицо за лицом, разыскивая Блинецов Рога и Тессию. Тессия вернулась, а вот старый друг моих родителей, Адам, - нет.

"Артур?" спросил Врен, едва не столкнувшись со мной сзади. Я застыл на месте, даже не заметив этого.

"Отлично", - пробормотал я, испытывая сильное чувство дежавю, когда оказался лицом к лицу с Чароном. "Скоро ты мне понадобишься для координации одной крупной операции, но мне нужно время, чтобы продумать все детали. Ты будешь здесь или в Этистине?"

Чарон оглядел замок. "Я решил остаться здесь и сделать его нашей оперативной базой на данный момент. Он находится недалеко от разлома, а телепортационный массив позволяет нам мгновенно добраться до большей части вашего континента".

Кивнув, я быстро объяснил, что узнал о присутствии Сесилии, опустив все, что касалось Мордейна и фениксов, и представив все так, будто Чул по моему приказу проводил разведку, когда на него напали, и я узнал все от него.

Виндсом нахмурился, слушая мои объяснения, но оставил свои мысли при себе.

Чарон, напротив, следил за каждым словом. "Тогда это объясняет место их битвы. Я позабочусь о том, чтобы охрана разлома была усилена, хотя она никак не сможет его обнаружить, если это действительно их цель".

Я дал несколько советов, за чем следить, и рассказал о своей предыдущей битве с Сесилией, затем мы с Вреном попрощались с остальными, активировали портал и направились в Вилдориал.

Континент пронесся вокруг нас как в тумане, когда мы почти мгновенно перенеслись из восточных Звериных Полей в самое сердце Дарва.

Более дюжины вооруженных и закованных в броню гномов и дракон в человекоподобной форме охраняли портал с той стороны. Когда мы переступили порог, они на мгновение вскочили, но все быстро узнали Врена и меня, и нас пропустили без проблем.

"Когда мы можем ожидать от тебя обзора хода нашего эксперимента?" спросил Врен, остановившись там, где наши пути расходились.

"Скоро", - ответил я, оглядываясь на ворота Института Изборнов. "Как скоро вы сможете запустить в производство готовые к бою прототипы?"

Брови титана приподнялись за его неухоженной челкой. "Прототипы уже есть, но каждый из них индивидуален, как и..." Он подозрительно огляделся по сторонам. "Владельцы", - медленно закончил он. "Потребуется время, чтобы стабилизировать дополнительные единицы".

Я почувствовал, как моя челюсть сжимается и разжимается, пока я обдумывал свой ответ. "Я могу дать вам две недели".

Его глаза расширились, и он посмотрел вниз, как будто увидел сквозь камень свой проект, расположенный далеко под Вилдориалом в самых глубоких туннелях, где посторонние глаза не могли бы случайно наткнуться на него. "Времени едва хватает, чтобы найти новых пользователей, а уж тем более обучить и разработать..."

"Нам нужно столько, сколько ты сможешь подготовить", - сказал я, протягивая руку для рукопожатия.

Вместо того чтобы взять мою руку, он протянул что-то, что прятал за боком, и я отдернул руку, словно обжегшись, и уставился на предмет.

"Люди Чарона нашли его среди обломков. Когда они поняли, что он сделан асурами, то собрали все осколки".

В его руке свободно болталась рукоять Баллады Рассвета. От голубого клинка осталось около дюйма, серый и зазубренный край. "Это была не самая лучшая вещь, которую я когда-либо делал, но я подумал, что она может тебе пригодиться".

Осторожно взявшись за ручку, я перевернул ее и посмотрел на нее, испытывая головокружительное ощущение от того, что сон внезапно проявился в реальном мире.

Затем Врен протянул небольшую коробку. Когда я взял и ее, он открыл крышку и обнаружил внутри серые осколки: то, что осталось от клинка.

В уголках его рта появился намек на язвительную улыбку. "Я знаю, какими сентиментальными вы, люди, можете быть".

"Спасибо, Врен", - просто ответил я, глядя на Балладу Рассвета, или, по крайней мере, на то, что от нее осталось.

Он пожал плечами и отвернулся. "Приходи к нам поскорее. Нам нужно обсудить довольно много вещей, если ты хочешь, чтобы это произошло в течение двух недель".

Когда я оторвал взгляд от его подарка, чтобы что-то сказать, он уже исчез в плотном потоке транспорта, движущегося по шоссе, которое огибало край огромной пещеры.

Ноги сами несли меня вслепую через ворота института и по его коридорам, пока я не добралась до двери моей матери. Когда я поднял руку, чтобы постучать, дверь открылась и показала обнаженное лицо моей матери.

Она выглядела застигнутой врасплох, как будто искала меня, но не ожидала, что я действительно приду. Я видел, что на кончике ее языка висит тысяча слов, и практически представлял, как она будет ругать меня за состояние Элли, когда она вернулась в последний раз, да еще и с одним Чулом.

Но так же быстро напряжение и разочарование улетучились, сменившись материнской

теплотой и грустной радостью. Она тепло улыбнулась мне. "Добро пожаловать домой".

Мама фыркнула, когда Элли пересказала один из своих многочисленных разговоров с Гидеоном, и смущенно прикрыла рот рукой.

Элли разразилась смехом, а затем нарочито подражала маминому случайному фырканию. Мама бросила ей в голову булочку, но Элли поймала ее в воздухе и откусила большой кусок, выглядя при этом чрезвычайно довольной собой. Последующий смех длился долго и был похож на мочалку, вытирающую мой дух изнутри.

"Итак, Элли, я тут подумала", - сказала мама, и моя сестра напряглась, несомненно ожидая какого-то вопроса из засады. "У тебя никогда не было нормальной жизни, с тех пор как тебе исполнилось всего несколько лет. Когда твой старший брат спасет мир и все вернется на круги своя - что бы это ни было на самом деле, - как ты думаешь, что ты будешь делать?"

"Стану домохозяйкой", - без обиняков заявила Элли.

Мы с мамой молча моргнули несколько раз, пытаясь переварить эту информацию.

Бу, который не помещался на кухне и ревниво наблюдал через дверь за Реджисом, пока мой компаньон поглощал тарелку с остатками еды, повернул голову почти на бок, бросив на Элли вызывающий взгляд.

Элли хихикнула и яростно покачала головой. "О, я шучу! Боже. Нет, я думаю..." Она заколебалась, ее глаза потеряли фокус, а затем уголок ее рта изогнула маленькая улыбка. "Думаю, мне бы хотелось стать инструктором по мана-искусству. В Академии Ланселера или даже в Ксирусе. Это было бы... что-то вроде возвращения домой, понимаешь?"

Мы еще долго болтали, придумывая все более глупые сценарии того, чем бы мы все хотели заняться, когда долгая война наконец закончится и Дикатен окажется в безопасности. Мама решила написать книгу о моих подвигах, утверждая, что станет богатой пожилой вдовой, пользуясь моей славой, а я уверял их обоих, что уйду на пенсию, займусь картофелеводством и изобрету картофель фри.

И все же на протяжении всего ужина и разговора мои мысли не покидали Балладу Рассвета, разговор с Олудари и основы плана, который начал формироваться в моей голове.

Когда светская беседа утихла, наступила уютная тишина. В этой тишине я извлек остатки меча из своей руны измерения и положил их на стол. Мама и Элли с любопытством наблюдали за происходящим. Мама первой узнала рукоять и посмотрела на меня с тихим удивлением.

Я улыбнулся ей, открывая коробку и высыпая серые обломки клинка рядом с рукояткой.

Реджис поднял голову, чтобы заглянуть через край стола. "О, ты собираешься использовать Реквием Ароа, чтобы починить его? Знаешь, я втайне надеялся, что это произойдет".

Довольно улыбаясь, я смахнул обломки клинка обратно в коробку, поставил ее на стол и положил сверху рукоять. "Нет".

Сломанный клинок, как я понял, стал для меня поворотным моментом. До этой битвы я всегда выходил победителем. Моя вера в неизбежность победы была такой же уверенной, как если бы

я увидел ее в видении. Все мои тренировки, все мои поиски силы, чтобы защитить тех, кого я любил, - все это рухнуло, разбившись вдребезги вместе с лазурным клинком Баллады Рассвета.

Ремонт клинка не отменит ни моего поражения, ни длинной череды последствий, определивших мир, в котором мы теперь живем. Я перевел взгляд с мамы на Элли, потом на стену, где висел нарисованный углем рисунок моего отца. Мамины глаза проследили за моими, и ее рука потянулась к моей руке.

Элли издала усталый вздох, который прозвучал слишком старо для нее. "Я не могу дождаться, когда закончится эта дурацкая война. Отстроим наши дома, будем жить мирно, где самая большая проблема - это то, какую одежду надеть на свидание..."

Я приподнял одну бровь, серьезно глядя на нее. "Несмотря на то что я предпочел бы бороться с двадцатью Призраками с руками, скованными за спиной, чем смотреть, как ты готовишься к свиданию, я обещаю, Эль... я сделаю все возможное, чтобы это будущее наступило".

"Но для этого мне снова понадобится твоя помощь. И это будет опасно".

<http://tl.rulate.ru/book/114117/4366036>